

вилась недовѣрчиво. „Но въ лицѣ Пьера была такая искренность раскаянія и князь Андрей такъ кротко смотрѣлъ то на Пелагеюшку, то на Пьера, *что она понемногу успокоилась*“.

Въ предсмертномъ движеніи Толстого чувствуется искренность раскаянія и робкія извиненія Пьера за его грубыя слова. Пусть онъ не сумѣлъ сказать, пусть ему помѣшали сказать, но шевельнулось же въ немъ что-то необычное, несказанное, великое, и хочется вѣрить, что это добрый Пьеръ *спохватился* за всѣ неосторожныя слова свои и тѣмъ самымъ отнялъ у нихъ всякую *силу*.

В. Эрнъ.